

*Беценко Т. П.,**доктор філологічних наук, професор кафедри українського мовознавства
Сумського державного педагогічного університету імені А. С. Макаренка*

КАНОНИЧЕСКИЕ ТЕКСТОВО-ОБРАЗНЫЕ СТРУКТУРЫ В УКРАИНСКИХ И БЕЛАРУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятия каноничности (формульности, универсальности) языкового текстообразования украинского и белорусского песенного фольклора. Канонические структуры осмысливаются как традиционные, закономерные единицы, которые формируют национально-песенный словесно-образный континуум. Предложена попытка в общих чертах, сжато проанализировать тексто-образные канонические структуры, характерные для украинского и белорусского народного творчества. Выделены атрибутивные, субстантивные, вербальные, адвербиальные, предикативные тексто-образные универсалии – формулы. Примеры рассматриваемых единиц приведены из первоисточников. Для сравнения предложен разнообразный иллюстративный материал из белорусского и украинского песенного фольклора. Резюмируется мысль о древности, самобытности и украинской, и белорусской народнопесенной культуры песнетворчества, что подтверждается богатым и разнообразным языковым материалом, в частности синтаксическими структурами – единицами наивысшего уровня языка.

Ключевые слова: язык украинского и белорусского народного творчества, язык фольклора, канонические структуры народных песенных текстов, атрибутивные формулы, субстантивные конструкции, вербальные структуры, адвербиальные тексто-образные универсалии, предикативные тексто-образные единицы.

Постановка проблемы. Народнопесенное творчество является той языково-культурной средой, которая тесно взаимосвязана с народным мышлением, мировоззрением, бытовыми представлениями, то есть со всеми сторонами жизнедеятельности этноса. Особенностью фольклорно-песенных текстов считаем каноничность их образно-языкового оформления. Известно, что фольклорно-песенные произведения – факты самого древнего поэтического творчества. Если брать во внимание родственность украинского и белорусского народов и их культур, то интерес вызывает сравнительный анализ языкового материала, в частности образно-языковых структур, наблюдаемых в текстах народнопесенного творчества. Это даст возможность понять специфику поэтического мышления, поэтического видения мира древних славян и его воплощения в словесно-образных знаках. Результаты наблюдений на примере языкового материала будут подтверждением родственности становления и развития славянских этносов.

Актуальность исследования состоит в том, чтобы убедительно засвидетельствовать языковые каноны народного песнетворчества, наблюдаемые в украинском и белорусском фольклорно-песенном континууме, которые служат доказательством самобытности, оригинальности словесно-образной песенной культуры украинцев и белорусов и вместе с тем – их родственности, близости.

Анализ последних исследований. Языку украинского фольклорно-песенного творчества посвящены работы А. Потебни, П. Житецкого, А. Назарука, Л. Рак, Св. Ермоленко, Н. Данилюк, Т. Беценко и др. В частности, попытка рассмотреть тексто-образные канонические структуры представлена в исследованиях Т. Беценко. В белорусском научном наследии засвидетельствована пока что одна работа, известная нам, которая посвящена формульным текстообразующим структурам народного творчества. Ее автором является Т. Ивахненко. В исследовании глубоко и конкретно изложен материал, подтверждающий факт формульности белорусского народного песенного творчества. Сравнение украинского и белорусского народного песенного творчества в плоскости его языкового оформления, канонов словесно-образного конструирования пока что не было предметом научного рассмотрения.

Цель статьи – выявить и описать словесно-образные конструкции, характерные для украинского и белорусского народно-песенного текстообразования, с точки зрения их каноничности, универсальности и одновременно уникальности. Основная задача – типизировать тексто-образные формулы (универсалии) как системоорганизующие единицы фольклорного дискурса украинских и белорусских народных песен.

Изложение основного материала. Каноничность словесно-образной организации народно-песенных произведений рассматриваем как фольклорную категорию, свидетельствующую о сложившейся языковой традиции, и вместе с тем – о своеобразии, самобытности, оригинальности отдельной культуры, в частности – украинской и белорусской.

Каноничность также понимаем как традиционность, формульность, универсальность. Без канонов текстообразования немислимо существование народного творчества. Поэтому традиция – свидетельство бытия этнической культурной реальности.

Наличие тексто-образных формул (универсалий) – показатель устойчивой, сформировавшейся по правилам (нормам) и законам песенной традиции, её закреплённости за отдельным национально-языковым континуумом.

Наблюдения за тексто-образной организацией народно-песенной культуры двух родственных этносов дают возможность констатировать, что народное творчество (по параметрам художественности, языковой эстетики, языкового оформления, а также по форме и содержанию) в обоих случаях – явление неповторяющееся, отличное от других славянских культур.

Итак, формульность, то есть тексто-образная универсальность, каноничность языкового текстообразования – факт реальной языковой текстовой организации фольклорных произведений. В украинской, как и в белорусской народно-песенной традиции, фиксируем характерные разновидности формул – тексто-образных универсалий.

В белорусском и украинском народно-песенном творчестве, по нашим наблюдениям, представлены канонические тексто-образные универсалии – атрибутивные, субстантивные, вербальные, адвербиальные, предикативные структуры.

Атрибутивные конструкции – структурные образования типа «прилагательное + существительное». Распространенные модели – контаминации прилагательного с семантикой цвета и существительного, обозначающего часть тела человека: *русая кася* [8, с. 40], *з белых плеч* [10, с. 81], *белая ручка* [8, с. 43]; прилагательного с цветовым признаком и существительного с семантикой ландшафта местности, рельефа: *зяленімі лугамі* [8, с. 27], *зялену дубраву* [8, с. 287]; прилагательного-цветообозначения и существительного – названия предмета: *белі ручнічкі* [8, с. 41], *чорн шоук* [8, с. 53], *белы жемчуг* [8, с. 53], *зяленую скрыню* [8, с. 281]; прилагательного-цветообозначения и существительного-флоронома: *сінія васілечкі, зялен явор* [8, с. 27]; прилагательного-цветообозначения и существительного-фаунонима: *вараны конік* [8, с. 296], *зязюлька шэрую, барашачка чорненкі* [10, с. 415], *сізы голубы* [8, с. 53], *шэра вутачка* [10, с. 207], *белія лябедкі* [8, с. 54]; прилагательного со значением размера и существительного – названия части тела, особенностей человека: *дробніа слезкі* [8, с. 9] и др.

Белорусскому народному творчеству присущи универсальные для славянского фольклора формулы: *буйны ветры* [8, с. 37], *дробны дажджи* [8, с. 37], *маманька родная* [8, с. 51], *дзіуненькі сон* [8, с. 54], *ясен сокал* [8, с. 54], *холодная вада* [8, с. 290], *драмучымі лясамі* [8, с. 427], *цёмная ночачка* [8, с. 428], *ясен месяц* [8, с. 428], *луг зяленый* [10, с. 47], *быстрая ракі* [10, с. 206], *быстра вода* [10, с. 80]. Очень близки такие конструкции к тем, которые наблюдаем в украинском народном эпосе: *бистрі води* [14, с. 327, 333], *біле каміння* [14, с. 163, 183, 188, 197, 202], *білий камінь* [14, с. 109, 124, 125, 128, 312, 314, 315 та ін.], *білі руки* [4, с. 145, 284], *буйні вітри* [14, с. 176, 291], *дрібен дощик* [14, с. 107, 108, 223, 254], *дрібні сльози* [14, с. 94, 96, 97, 182, 184, 193, 265 та ін.], *зелені явори* [14, с. 161, 206], *зелена діброва* [14, с. 363, 378], *холодна вода* [14, с. 91, 92, 93, 94, 95, 97], *ясні соколи* [14, с. 103, 154], *ясне сонце* [14, с. 138, 182], *темная нічка* [14, с. 206, 208].

В украинских народном эпосе актуальными являются структуры: *бистра куля* [14, с. 93], *бистра річка* [14, с. 276], *бистра супротивна хвиля* [14, с. 386, 388], *бистра хвиля* [14, с. 98, 108, 110, 112, 395, 397, 398], *бистрі ріки-озера* [14, с. 300], *прудкі річки* [14, с. 332], *битий гординський шлях* [14, с. 74], *бідні невільники* [14, с. 13], *бідні козаки* [14, с. 95, 97, 126, 209], *запорозьке войско* [14, с. 149], *сизопірі орли* [14, с. 156], *православні християни* [14, с. 115, 165, 181] та ін. Только в белорусском фольклоре засвидетельствованы следующие формульные структуры: *зеленая липка* [10, с. 146], *липачка кудрявая* [10, с. 146], *бязозка белая* [10, с. 147], *белая бязозка караністая* [10, с. 402], *яленчанка зеляная* [10, с. 278], *зязюлька баравая* [10, с. 223]. Существование таких структур связываем с наблюдаемой картиной мира и ее непосредственной фиксацией в языковых конструкциях.

Универсальность подобных словосочетаний усматриваем в том, что, во-первых, это самые простые структуры и самые употребляемые в языке конструкции; во-вторых, – это единицы, обладающие эстетической окраской, образностью, тропическими по своей сущности; в-третьих, они являются национально обусловленными.

Атрибутивные конструкции – непосредственное отображение неязыковых фактов – картины мира этноса.

Субстантивные тексто-образные формулы – сочетания существительного с существительным. В белорусском народном творчестве – это сложные слова: *рута-мята* [8, с. 36], *зязюлька-кукушка* [8, с. 47], *мед-гарэлянку* [8, с. 50], *мед-віно* [8, с. 50], *мурагу-сена* [8, с. 287], *выно-мед* [8, с. 295], *паніч-королік* [8, с. 295], *сад-віноград* [8, с. 296], *званы-калаколы* [8, с. 382], *барі-сосна* [10, с. 81], *шчуцы-рыбаньцы* [10, с. 179], *каліна-маліна* [10, с. 222]. Во многих случаях украинского народно-песенного словоупотребления фиксируем наличие подобных структур. Например, в думках: *слава-рицарство* [14, с. 231, 232, 236], *сокіл-брат* [14, с. 114], *срібло-золото* [14, с. 100], *час-пора* [14, с. 305], *щастя-доля* [14, с. 127, 155, 201, 212, 361], *щука-риба* [4, с. 317], *шлях-дорога* [14, с. 367]. Это свидетельствует о языково-этнической, языково-культурной родственности двух народов.

Сложные слова составляют неотъемлемую часть народно-песенной словесной культуры славян. В украинской и белорусской народной культуре также очевиден факт употребления сложных существительных. Природа сложного слова связана с представлениями в сознании человека о многоаспектности, разноуровневости, всеобъемлемости понятия, свидетельствует о разностороннем видении индивидуума – носителя этнической культуры. Поэтому сложное слово в фольклоре понимаем как неоднозначное, разноаспектное поэтизирование реальных вещей, попытку образно обыграть их характерные детали, признаки, характеристики, указать на взаимосвязь, подчеркнуть частное и общее как единое целое в понимании сущности предмета. Для фольклора сложная словесно-образная конструкция – речемыслительный способ реализации многоаспектности видения мира, сегментация и синтез описываемого явления, предмета.

Вербальные тексто-образные формулы-универсалии также подчинены законам канонической внутренней архитектоники. К этим формулам в белорусской фольклорной традиции принадлежат сложные глагольные конструкции типа *сель-пасел* [8, с. 37], *сячыце-рубайце* [8, с. 285], *стучыць-грудчыць* [8, с. 297, 298], *лець-палець* [7, с. 570], *едзь-паедзь* [8, с. 370] и структуры, образованные по модели «глагол + глагол»: *не гніся, не ламайся* [8, с. 433], *хоць маем, хоць не маем* [10, с. 427], *не гніся, не ламяся* [8, с. 432], *хаджу, малачу* [10, с. 80].

Аналогичные модели наблюдаем в украинских думках: *сікти-рубати* [14, с. 163, 164, 177 та ін.], *бере-хапає* [14, с. 203, 205], *бити-карати* [14, с. 218], *бігти-доганяти* [14, с. 216], *грати-вигравати* [14, с. 98 та ін.]. Очевидно, что принцип конструирования структур – тот же, компонентный состав – близкий, похожий, хотя в большинстве случаев не одинаковый, не повторяющийся.

Интерес представляют адвербиальные тексто-образные универсалии. Предназначение этих структур – поэтизировать пространственные, временные и другие характеристики измерения бытия. Формульные структуры с семантикой места указывают на местоположение описываемого предмета, явления, события, на направление, движение к определенному предмету в пространстве и проч. Пространство в фольклоре, как и время, – реальное обобщенное бытие, мыслящееся в тесной связи с человеком. Для белорусского носителя культуры актуальным является макропространство: *на Русь, на Україну* [8, с. 282], *на ціхім Дунаї* [8, с. 282], *за ціхім Дунаєм* [8, с. 288], *на Україну*

[8, с. 282], на Україну [8, с. 281], на Русь [8, с. 283], на моры на синосенькым [8, с. 37], з поля [8, с. 37], на Дунаечку [10, с. 126, 127], на рыночку [8, с. 36], у луг, у бор [8, с. 40], у крыніцу [8, с. 41], у садзе [8, с. 41], на саду [8, с. 42], у садочку [8, с. 42], да з гары на даліну [8, с. 283], пад круту гару [8, с. 430], да на моры, на моры, на сінеьнім возеры [8, с. 283], у бору [8, с. 289], у чыстым полі [8, с. 299], за лесам [8, с. 302], па чысту поля [8, с. 302], за гарой, за гарой круценькай [8, с. 392], за гумном, за новенькім [8, с. 289], чэрэз тры лясы [8, с. 303], чэрэз тры сялы [8, с. 303], між гор, між даліны [8, с. 292], да й у чыстым у полі, да й на бітому шляху [8, с. 430], а такжэ мікропространство: на камены на бялюсенькым [8, с. 37], у каморы [8, с. 42], у хаце [8, с. 48], по сянех [8, с. 51], на бярозях [8, с. 50], на дварэ [8, с. 293], каля коніка [8, с. 287], на коніку [8, с. 55], у новым калодзежы [8, с. 281], з-падкрыніцы [8, с. 290], на масту [10, с. 427]. Употребленне многіх адвербіяльных тэкстова-образных канструкцый, характэрных для беларускага фальклора, наблідаем у украінскіх народных эпічэскіх прайзвядзеннях: з чужої сторони [14, с. 116], із чыстога поля [14, с. 312], з крыніці Салтанкі [14, с. 94, 96], із чужога дому [14, с. 360], у тихий Дунай [14, с. 409], в чысте поле, в шырока роздолля [14, с. 216], у чужий дім [14, с.], через темні луги [14, с. 328], через высокі лісы [14, с. 338].

Поэтизацию пространства связываем с намерением песнетворцев зафиксировать местопребывание, местонахождение существенных для этнического бытия реалий духовной и материальной жизни человека. Локус – часть этноса, составляющая мировоззрения носителей культуры, компонент национальной (генетической) памяти. Для белорусов важными локативами считаем лес, сад, поле, бор, гай, гора, дубрава, море и др. Для украинцев – степь, поле, лес, сад, бор, гора, дубрава, море и др. Сходство пространственного обозначения действительности и в белорусском, и в украинском фольклоре – очевидное.

Время в словесно-образном оформлении также является обязательным показателем национально-образного видения бытия. Для белорусского носителя языковой культуры характерно время, которое определено словами: ранюсенько [8, с. 51], з суботкі на нядзельку [8, с. 5], у суботу на нядзелю [8, с. 52], з суботкі на нядзельку [8, с. 53], у нядзелю рана [8, с. 55], у нядзелечку [8, с. 56], з суботы на нядзелю [8, с. 56, 57], у нядзелю да рана параненька [8, с. 280], у надзельку рана [8, с. 280], ой, рана, рана, на зарэ [8, с. 429]. Для украинской фольклорной традиции примечательны конструкции: ранньою зорею [14, с. 325], у святую неділеньку рано-пораненьку [14, с. 190, 366, 367], до схід сонця [14, с. 359], в неділю рано-пораненьку з світовою зорею [14, с. 340, 341], ясною зорею [14, с. 206]. Как видим, словесные формульные конструкции очень похожи.

Текстово-образные предикативные конструкции-универсалии в белорусском народном творчестве, как и в украинском, – структуры, соотносённые с предложениями. Такие единицы достаточно распространены. Например: дробныя слезкі роніць [8, с. 43], дробны дажджы паліваюць [8, с. 36], коніка сядлае [8, с. 47], зяюлька кукавала [8, с. 48], по сянех пахадзіла [8, с. 51], сон сасніла [8, с. 53], сон відзела [8, с. 53], на коніку сядзіць [8, с. 55], цякла рэчачка [8, с. 56], русая каса да да паяса [8, с. 280], два конікі да ваду пілі [8, с. 280], коні поюць [8, с. 289], вада ручаем цячэ [8, с. 290], вада цячэ холодная [8, с. 290], вадзічка ручаем бяжыць [8, с. 292], быстра рэчка сячэ [8, с. 294], по чысту поля страляю імчыся [8, с. 302], не вей, вецер [8, с. 431], кала рэчанькі хадзіла, кала быстрае гуляла [10, с. 390], я над ракою стаяла, белыя ручкі умывала [10, с. 391], з адной гары вецер вее, з-пад

другой гары павявае [10, с. 279], кукавала зяюлька [10, с. 222] и др. По своей сущности (учитывая лексический состав, содержательность конструкции) подобные текстово-образные универсалии, на наш взгляд, родственны эпическим формулам песен славянского фольклора. Ср. в украинских народных думах: став з Дніпра тихий вітер повівати [14, с. 388], будуть козаки чистим полем гуляти [14, с. 89], дрібен дощик накрапає [14, с. 254], став буйний вітер повівати [14, с. 186], не буйні вітри повівали [14, с. 79]. Предикативные текстово-образные структуры – целостные по своему составу, завершённые. Это единицы высшего порядка. Их наличие – факт аналогичности в обеих культурах фольклорного коммуникативного кода.

Выводы. Фольклорно-песенное творчество – осмысление в национально-культурном воплощении, с помощью этнознаковых единиц, в которых кодируются представления этноса о бытии, сущности народно-культурной действительности – духовной и материальной ее природы.

Как неоднократно убеждаемся, и украинское, и белорусское фольклорно-песенное творчество – формульное по своему составу. Рассмотренные формульные канонические структуры представлены лишь отдельными моделями, в общих чертах. Но даже на незначительных примерах можно наблюдать прочно сложившуюся древнюю языковую песенную традицию в фольклоре двух народов. Изучение фольклорно-песенных текстообразующих элементов фольклорного континуума славян является важным и необходимым. Подробная, детализированная классификация универсально-формульных образований даст возможность сравнить язык древней песенной традиции разных славянских культур, особенности фольклорно-поэтического мышления и пр.

Литература:

1. Беценко Т.П. Адвербіяльні тэкстові універсальі з семантикою місця в українських народних думах / Т.П. Беценко // Stylistyka: Opole. – 2006. – XV. – С. 183–219.
2. Беценко Т.П. Атрибутивные эпические формулы в украинских народных думах / Т.П. Беценко // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2005. – С. 322–331.
3. Беценко Т. Мова думового епосу: Словник епітетів, складних слів, тавтологічних і плеонастичних структур, географічних найменувань і релігійних понять / Т. Беценко. – Суми, 2008. – 108 с.
4. Беценко Т.П. Мова українських народних дум: Словник тэкстова-образних одиниць / Т.П. Беценко. – Суми, 2016. – 128 с.
5. Беценко Т.П. Поэтическая фразеология украинского народного дум / Т.П. Беценко // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н.С. Валгиной. – 2002. – С. 180–194.
6. Беценко Т.П. Тэкстова-образні універсальі думового епосу: структура, семантика, функції / Т.П. Беценко. – Суми, 2008. – 400 с.
7. Беценко Т.П. Тэкстова-образні універсальі – системні одиниці / Т.П. Беценко // Карповские научные чтения. Сборник научных статей: в двух частях. – Выпуск 6. – Часть 1. – Минск, 2012. – С. 12–25.
8. Вяселле песні: У шасці кнігах. Кніга 1. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 680 с.
9. Вяселле песні: У шасці кнігах. Кніга 2. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 831 с.
10. Восеньскі талочныя песні. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 679 с.
11. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX в. / А.П. Евгеньева – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1963. – 348 с.
12. Ивахненко Т.А. Славесныя формулы і кампазіцыйная схемі календарна-абрадовых песенных тэкстаў / Т.А. Ивахненко // Вестник Беларускага дзержаўнага ўніверсітэта. Серія 4. – 2004. – № 2.
13. Украинские народные думы. – М.: Наука, 1972. – 600 с.

Беценко Т. П. Канонічні текстово-образні структури в українських і білоруських народних піснях

Анотація. Стаття присвячена розгляду поняття канонічності (формульності, універсальності) мовного текстотворення українського і білоруського пісенного фольклору. Канонічні структури осмислюються як традиційні, закономірні одиниці, які формують національно-пісенний словесно-образний континуум. Запропоновано спробу в загальних рисах, стисло проаналізувати текстово-образні канонічні структури, характерні для української і білоруської народної творчості. Виділено атрибутивні, субстантивні, вербальні, адвербіальні, предикативні текстово-образні універсалії – формули. Приклади розглянутих одиниць наведені з першоджерел. Для порівняння запропоновано різноманітний ілюстративний матеріал із білоруського й українського пісенного фольклору. Резюмується думка про давність, самотність, спільність походження і української, і білоруської народнопоетичної культури піснетворчості, що підтверджується багатим і різноманітним мовним матеріалом, зокрема – синтаксичними структурами – одиницями найвищого рівня мови.

Ключові слова: мова українського і білоруського фольклору, мова народної творчості, фольклорно-пісенна мовна традиція, канонічні структури народних пісенних текстів, атрибутивні формули, субстантивні конструкції, вербальні структури, адвербіальні текстово-образні універсалії, предикативні текстово-образні одиниці.

Betsenko T. The canonical texts-shaped structure in the Ukrainian and Belarusian folk songs

Summary. The article discusses the concept of canonical (by formulas, universal) language tekstoobrazovanija Ukrainian and Belarusian folk songs. Canonical structures conceptualized as the traditional, legitimate units that form the national song word-shaped kontinuum. An attempt to outline, briefly analyze the canonical text-shaped structures that are typical for the Ukrainian and Belarusian folklore. Allocated attributive, substantive, verbal, adverbial, predicative text-shaped universal – formula. Examples of items under consideration are given to the original sources. For comparison, there is provided a diverse illustrative material from the Belarusian and Ukrainian folk songs. It summarizes the thought of antiquity, originality and Ukrainian, and Belarusian national poetic pesnetvorchestva culture, as evidenced by a rich and varied language material, in particular – syntactic structures – the highest level of language units.

Key words: Ukrainian language and Belarusian folk art, folklore, language, canonical structures of folk song texts, attribute formula substantive design, verbal structure, adverbial text-shaped Universal, predicative text-shaped unit.